

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук**

**TERRA EURASICA:
к 60-летию академика Б. В. Базарова**

Иркутск
Оттиск
2020

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т35

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»

Ответственные редакторы:

чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д-р ист. наук, проф. Л. В. Курас

Рецензенты:

д-р ист. наук А. М. Плеханова
д-р ист. наук, проф. В. Д. Дугаров
д-р ист. наук, проф. Е. И. Лиштованный

Т35 Terra Eurasica: к 60-летию академика Б. В. Базарова: Сборник научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. – 300 с.

В сборник включены статьи, подготовленные к 60-летию юбилею академика Б. В. Базарова. Рассматривается широкий круг проблем всемирной и отечественной истории, начиная от первобытной археологии до современных вопросов экономической интеграции на евразийском пространстве. Большое внимание уделено Байкальской Азии, истории Монголии.

Книга предназначена для историков, специалистов в области общественных и гуманитарных наук, а также всех интересующихся вопросами отечественной и всемирной истории.

ISBN 978-5-6045121-3-5

© ИМБТ СО РАН, 2020
© Б. В. Базаров, 2020
© Н. Н. Крадин, 2020
© Л. В. Курас, 2020

УДК 94(571.54)/.55
ББК 63.529(253)

Н. Н. Крадин

Гетерархия и иерархия в обществах древних кочевников Забайкалья

Аннотация. В статье обсуждается взаимосвязь стратегий иерархии и гетерархии у скотоводов и кочевников Забайкалья. Показано, что культура плиточных могил имела среднемасштабную гетерархическую организацию, тогда как в Хуннской державе была развитая иерархия. При этом гетерархия и иерархия кочевников-скотоводов не обязательно должны рассматриваться как две отдельные стратегии-направления, а вместо этого следует рассматривать два разных уровня политической централизации и два следствия политического взаимодействия между оседлыми и кочевыми обществами. Среди кочевников возможно множество комбинаций и дихотомий как гетерархических, так и иерархических политий. Когда личная власть вождя слаба, кочевые общества структурируются в гетерархическое племя, объединение племен или имперскую конфедерацию. По мере роста личной власти они могут трансформироваться в иерархическое вождество, сложное вождество и кочевую империю.

Ключевые слова: Кочевники, Забайкалье, плиточные могилы, хунну, гетерархия.

Одним из важных достижений исторической науки в Бурятии стало издание трехтомной истории республики под редакцией академика Б. В. Базарова. В этой фундаментальной работе обстоятельно рассмотрены основные вехи истории региона от каменного века до наших дней¹. Большая часть первого тома посвящена изучению древних и средневековых кочевников. В настоящей статье будут рассмотрены две археологические культуры древности – культура плиточных могил и культура хунну. На их примере мы попытаемся рассмотреть эвристическую ценность применительно к обществам кочевников-скотоводов одной из самых популярных концепций политогенеза последних десятилетий – выделения стратегий *гетерархии* и *иерархии*.

¹ История Бурятии. Отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ, 2011. Т. 1–3.

Культура плиточных могил – это одна из самых известных археологических культур периода бронзового века Монголии и Забайкалья. Памятники этой культуры хорошо видны на поверхности. Они представляют собой обычно четырехугольные каменные конструкции из вертикально поставленных плоских плит. По краям конструкции вкопаны высокие угловые камни. Внутри данной конструкции была расположена могила, которая сверху обычно засыпалась песком и закладывалась камнями и большими плоскими плитами. В некоторых случаях около могильников были найдены поминальники, на которых были найдены остатки тризны.

Поскольку плиточные могилы хорошо видны на поверхности степи, это облегчает для археологов работы по их выявлению и картографии. Обратной стороной является то, что из-за своей легкой видимости практически все они были ограблены. Некоторые могилы ограблены несколько раз. Поэтому при раскопках обычно находят незначительное число артефактов, кости усопших, а также остатки тризны. Территориально культура распространена в Центральной и Восточной Монголии, в Забайкалье и немного в Предбайкалье. В Забайкалье памятники культуры сосредоточены в долинах р. Селенги и ее притоков Итанцы, Уды, Хилка, Чикоя, Джиды, а также в долинах рек Ингоды, Онона, Аги, Шилки. Как правило, они приурочены к скальным породам, где содержатся выходы камня – материала, необходимого для сооружения памятников.

Чаще всего могильники и одиночные могилы располагались на южной стороне горных склонов. Умершего укладывали головой на восток. Хронология культуры между 1100–400/300 гг. до н. э. Самые ранние калиброванные даты ранее 1500 г. до н. э.¹ Поздние даты обычно раньше на 100–200 лет культуры хунну. Вследствие этого принято считать, что культура плиточных могил существовала раньше культуры хунну. Только в одном случае дата плиточной могилы совпадает со временем создания империи Хунну².

Наиболее значимый вклад в изучение культуры плиточных могил сделали отечественные специалисты³. Самая полная свод-

¹ Excavations at Daram and Tevsh Sites: A Report on Joint Mongolian-Japanese Excavations in Outer Mongolia. Ed. by Miyamoto Kazuo, Obata Hiroki. Fukuoka, 2016. P. 83.

² Ibid. P. 64.

³ Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л., 1941. Т. 1. С. 273–309; Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958; Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный век Восточного Забайкалья. М., 1975; он же. Памятники неолита, бронзового и раннего железного века лесостепного Забайкалья. М., 1981;

ка данных содержится в книге А. Д. Цыбиктарова, которая стала основой его докторской диссертации¹. Он обобщил сведения всех предшествующих исследователей, а также в течение многих лет сам проводил раскопки плиточных могил. В монографии подробно рассмотрены многие вопросы атрибутации культуры плиточных могил – классификация могил и различных категорий артефактов, хронология, происхождение культуры, экономика, связи с другими культурами. В книге много таблиц, рисунков и статистических данных. Несмотря на то, что книга была опубликована более двадцати лет назад, это до сих пор самая полная обобщающая книга о культуре плиточных могил. Всего в книге есть информация о 542 погребениях. Вне всякого сомнения, это надежная выборка для информации о структуре общества.

Несмотря на наличие большого количества работ по данной культуре, вопрос об общественном устройстве носителей данной культуры почти не изучался. Есть только два небольших доклада – автора этих строк и А. Д. Цыбиктарова – главного исследователя данной культуры, по рассматриваемой теме, которые были представлены в прошлом году на IV международном конгрессе средневековой археологии евразийских степей в Улан-Удэ². Это удивительно, поскольку проблематика социальной археологии скотоводов и кочевников бронзового и раннего железного века Евразии является важным и одним из активно разрабатываемых вопросов в мировой археологии³.

Данная статья посвящена исследованию общественного строя носителей культуры плиточных могил в сравнении с динамикой социальной иерархии древних кочевников более позднего времени – периода Хуннской державы. Методология исследования ос-

Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980; Членова Н. Л. Культура плиточных могил // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992 и др.

¹ Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998.

² Kradin N. N. Social complexity in Slab Graves Culture // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: Сб. науч. ст. IV межд. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Кн. 2. Улан-Удэ, 2019. С. 46–48; Цыбиктаров А. Д. Источниковедческие возможности материалов плиточных могил для изучения социальной структуры носителей культуры // Там же. С. 107–111.

³ Anthony D. The horse, the wheel, and language: how Bronze-Age riders from the Eurasian Steppes shaped the modern world. Princeton, 2007; Koryakova L. N., Epimakhov A. E. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge, 2007; Social complexity in prehistoric Eurasia: Monuments, Metals, and Mobility. Ed. by B. Hanks, K. Linduff. Cambridge, 2009; Honeychurch W. Inner Asia and the spatial politics of empire. New York, Springer. 2015 etc.

нована на допущении, согласно которому ранг и статус усопшего можно проследить по количеству труда, вложенного в возведение могильного сооружения, а также различных категорий сопроводительного инвентаря – оружия, сбури, престижных товаров и др.¹ К сожалению, из-за плохой сохранности костных останков носителей культуры плиточных могил не представляется возможным реконструировать пол и возраст умершего – обязательные процедуры, которые нужно выполнить перед проведением социального анализа. По этой причине мы будем вынуждены анализировать структуру общества без разбиения на совокупности захоронений на мужские, женские и детские, что в определенной степени снижает степень достоверности полученных результатов. Вместе с тем, если в обществе существовало разделение на социальные группы или ранги, некоторая совокупность кластеров все равно должна быть выделена. Касательно хуннского времени были выполнены все обязательные процедуры: возрастной анализ и разделение совокупности на взрослые и детские; анализ по полу и разделение взрослых захоронений на мужскую и женскую совокупности.

Поскольку первичная информация из отчетов раскопок плиточных могил, которую собрал А. Д. Цыбиктаров, для нас была недоступна, мы были вынуждены использовать в качестве источников его сводные таблицы №№ 26, 28, 30, 32, 34, 36, 38 о размерах могил и разных категориях артефактов, представленные в монографии². Представленные статистические данные были объединены вместе, что дало возможность получить принципиально новую информацию и реконструировать структуру общества носителей культуры плиточных могил. Полученные результаты суммированы в Табл. 1.

В разных колонках таблицы представлены некоторые важные общие данные о плиточных могилах. Если посмотреть на колонку «размер» и сравнить ее со следующей колонкой, то видно, что по размеру могилы делятся на три или четыре группы: маленькие (12,7%), средние – 2–3х³–4м (72,1%) и большие (5,2%). Все маленькие могилы не содержат сопроводительного инвентаря. Возможно, это показатель самого низкого социального ранга (например, рабы). Большие могилы можно делить на два ранга

¹ Подробнее см.: Социальная структура ранних кочевников Евразии. Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. А. Тишкин, А. В. Харинский. Иркутск, 2005.

² Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. С. 74–78.

или считать как один ранг. Самое главное, что различия в размерах в принципе не очень велики. Это наводит на мысль, что граница между социальными рангами не была резкой, и у нас нет оснований говорить о стратифицированном обществе, каковым было, например, вождество.

Другой важный вывод можно сделать о распределении артефактов в колонках «орудия труда» и «сбруя». Нужно помнить, что все могилы ограблены. Поэтому, скорее всего, количество артефактов в погребениях должно соотноситься с числом могил разных размеров. Так, могилы размером 2х3 м составляют 42,1%. В них найдено 54,5% орудий труда. В могилах 3х4 м (30%) найдено 27,3% орудий труда. В могилах 4х5 м (8,5%) обнаружено 18,2% орудий труда. Количество артефактов категории «сбруя» в погребениях примерно одинаково. Их отсутствие в больших могилах, возможно, объясняется случайностью. Все это, вероятно, свидетельствует, что лица всех рангов занимались трудом и имели отношение к езде на лошадях. Большое значение лошади в обществе подтверждается тем, что в погребальных ритуалах чаще всего приносились в жертву лошади. Археологи находят их кости при раскопках плиточных могил чаще, чем других животных¹.

Таблица 1.

Ранги плиточных могил²

РАНГ	Размер	Кол-во (%)	Орудия труда	Оружие	Сбруя	Сторожевой камень	Охра	Престижные товары
1	2х1	12,7%						
2	2х3	42,1%	54,5%	20,2%	50,0%	30,4%	20,0%	20,0%
3	3х4	30,0%	27,3%	48,0%	50,0%	43,5%	40,0%	33,5%
4	4х5	8,5%	18,2%	28,0%		26,1%	40,0%	46,6%
4	5х6	1,9%		4,0%				
4	6х7	0,5%						
4	7х8	0,25%						
4	8х9	0,25%						

Интересно, что пропорция категории «сторожевой камень» в могилах разных рангов иная. Чем больше размер могилы, тем чаще встречается сторожевой камень. Еще больше разница

¹ Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. С. 51.

² Источник информации: Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. С. 74–78.

между могилами разных рангов и наличием артефактов категории «оружие». Здесь можно сделать прямой вывод: чем выше был статус индивида в культуре плиточных могил, тем большее отношение он имел к оружию и войне. Поскольку у нас нет данных по полу и возрасту умерших, то, вероятно, выводы о рангах могли бы быть несколько иными. Однако главные выводы остаются верными: статус и военная функция коррелируют между собой.

Наконец, последняя колонка из таблицы («престижные товары») показывает, что по мере увеличения размера захоронений, увеличивается количество престижных товаров. В могилах размером 2х3 м найдено 20% престижных товаров, в могилах 3х4 м обнаружено 33,5% престижных товаров, а в могилах 4х5 м зафиксировано 46,6% престижных товаров.

В результате изучения корреляции между размером плиточных могил и разными категориями артефактов можно выделить несколько социальных рангов:

1. Индивиды низшего ранга (например, рабы). Их хоронили в маленьких могилах без инвентаря (12,7%)

2. Обычные скотоводы, которые пасли скот, обладали навыками верховой езды, участвовали в военных походах. Их хоронили в плиточных могилах средних размеров. У некоторых в могилах были сторожевые камни, ритуалы с использованием охры, престижные товары. Возможно, было несколько социальных рангов кочевников-скотоводов. Повышение статуса данной группы было связано с военными функциями (42,1%).

3. Кочевники-скотоводы более высокого статуса. Они одновременно являлись воинами. Их хоронили в могилах чуть больше средних размеров. Во всех могилах были оружие, сторожевые камни, охра и различные категории престижных товаров (40,4%).

4. Высшие социальные группы, которых хоронили в могилах больших размеров – 5х6 м и более (4,8%). К сожалению, все эти погребения полностью ограблены. Странно, что в них нет сторожевых камней и охры. Отсутствие артефактов не позволяет связать эти захоронения с различными функциями элиты – военные вожди, жрецы, старые оракулы и др. Можно также допустить, что эта группа должна входить в предыдущий, третий ранг.

Нужно отметить еще несколько дополнительных важных деталей:

во-первых, границы между рангами очень условны. Они имеют количественный, но не качественный характер. Это, возможно,

указывает на то, что резкой социальной дифференциации в обществе не было. Пожалуй, только самая низшая группа сильно отличается от всех остальных;

во-вторых, социальная структура не имеет пирамидальный или ромбовидный характер. Индивидов с высоким статусом почти столько же, сколько и лиц со средним статусом. Это свидетельствует о том, что в обществе разные группы имели одинаковый (или почти одинаковый) доступ к ресурсам (пастбища и животные) и не сформировалось сильное социальное неравенство;

в-третьих, было бы интересно исследовать пространственное распределение захоронений разных рангов на больших могильниках. Распределение могил разных рангов может дать новую информацию о структуре среднemasштабного общества;

в-четвертых, строительство плиточных могил требовало интеграции и сотрудничества нескольких индивидов, укрепляло солидарность региональной общины. Необходимо изучать в будущем сети регионального взаимодействия в бронзовом веке;

в-пятых, совершенно очевидно, что это была иная модель общества, отличная от вождеств¹. Вождества – это общества, основанные на иерархии и отстранении большинства населения от ресурсов и управления. Граница между статусом простолюдинов и элитой в вождествах более или менее четко прочерчена. Ничего подобного мы не видим в культуре плиточных могил. Скорее всего, плиточников следует отнести к так называемым *гетерархическим* обществам.

Термин *гетерархия* обозначает способ взаимоотношений элементов в сложной системе, когда они не ранжированы иерархически или связаны сетями сложных связей². Судя по всему, первым, кто пришел к этой идее, был К. Ренфрю³. Однако он писал о двух вариантах вождеств, и далеко не все сразу осознали важность данной идеи. Только позднее стало ясно, что это был важный подход, который примерно в одно время, но на разных исторических материалах и в разной терминологии разрабатывали М. Агларов (Кавказ), Ю. Е. Березкин (Передний Восток и Средняя Азия), А. В. Ко-

¹ Подробнее о вождествах: Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. Отв. ред. В. А. Попов. М., 1995.

² Crumley C. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // From leaders to rulers. Ed. by J. Haas. New York: Kluwer Academic, 2001. P. 24.

³ Renfrew C. Beyond a subsistence economy, the evolution of social organization in prehistoric Europe // Reconstructing Complex Societies. Ed. by C. B. Moore. Ann Arbor, 1974.

ротаев (горцы), К. Крэмли (железный век Западной Европы), Г. Фэйрман и С. Ковалевски (Мезоамерика) и др.¹

Речь идет о выделении двух разнонаправленных стратегий, которые могут быть выделены в разных типах общества. Первая (*иерархическая* или *сетевая*) стратегия основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре. В классическом виде примерами подобных обществ являются *вождества*, *ранние государства* в виде централизованных монархий, доиндустриальные *империи*. Для второй (*гетерархической* или *корпоративной*) стратегии характерно большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества, направленные на решение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни. По большому счету это как раз и есть альтернативы

¹ Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988; Березкин Ю. Е. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. Отв. ред. В. А. Попов. М.: Наука, 1995; Коротаев А. В. Горы и демократия // Альтернативные пути к ранней государственности. Отв. ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша. Владивосток, 1995; Crumley С. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Ed. by R. M. Ehrenreich, C. L. Crumley, and J. E. Levy. Washington, 1995; Blanton R. E., Fienman G. M., Kowalewski S. A. and Peregrine P. N. A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // Current Anthropology. Vol. 37. 1996. № 1; Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 5; Берент М. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев и др. М., 2000; Ковалевски С. Циклические трансформации в Северо-Американской доистории // Там же; Уасон П., Балдиа М. Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Там же; Feinman G. Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension // From leaders to rulers. Ed. by J. Haas. New York, 2001; Бондаренко Д. М. Гомоархия как принцип построения социально-политической организации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Отв. ред. Л. Е. Гринин и др. Волгоград, 2006; Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Кн. 1–3. М., 2007; Pathways to Power. Ed. by T. D. Price, G. Feinman. New York, 2010; Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity. Ed. by R. Chacon, R. Mendoza New York, 2017 etc.

вождеству в виде компактных по размеру горских *общин, полисов*, вольных пиратских, казачьих, крестьянских, торговых и др. подобных сообществ.

Примером *иерархического* общества кочевников является Хуннская держава. Она возникла на рубеже III–II вв. до н. э. Северные границы империи достигали Байкала, южные – упирались в Великую китайскую стену, западные – достигали Восточного Туркестана, включая Хакасию, Туву и Алтай, восточные – доходили до Хингана и р. Ляохэ. В отличие от культуры плиточных могил, о хунну есть много сведений в китайских письменных источниках. Можно выделить четыре этапа истории Хуннской империи. Первый этап (209–133 гг. до н. э.) – это время наибольшего расцвета степной державы. В этот период номады практиковали политику чередования набегов и вымогания «подарков» в отношении Китая. Следующий этап (129–58 гг. до н. э.) связан с изменением китайской внешней политики и началом длительной кровопролитной войны между Хунну и китайской династией Хань. Война не принесла победы ни одной из сторон, однако хуннское общество «взорвалось» изнутри. Началась кровопролитная гражданская война. Третий этап (56 г. до н. э. – 9 г. н. э.) – это период мирных отношений между кочевниками и китайцами. Правивший в тот период шаньюю Хуханье постепенно расправился со своими внутренними противниками, принял юридический вассалитет от Китая, за что южане высылали в степь регулярные и намного более богатые, чем ранее, подарки. Четвертый этап (9–48 гг.) характеризуется очередной сменной внешней политики Китая по отношению к Хунну, из-за чего возобновилось противостояние между номадами и земледельцами, начались периодические набеги кочевников на Китай. Данный этап продлился до 48 г. н. э., когда в результате новых внутренних конфликтов Хуннская империя распалась на «северную» и «южную» конфедерации. К сожалению, касательно более позднего времени в китайских источниках отсутствуют надежные сведения¹.

Выдающийся китайский историк Сыма Цянь оставил подробное описание административной системы Хуннской державы на рубеже III–II вв. до н. э. По его свидетельству Модэ разделил империю на три части: центр, левое и правое крылья. Крылья, в свою очередь, делились на подкрылья. Вся высшая власть была сосредоточена у шаньюя. Параллельно он управлял центром – племенами «метрополии» степной державы. Ему подчинялись 24

¹ Крадин Н. Н. Империя Хунну. 4-е изд. СПб., 2020.

высших должностных лица, которые руководили крупными племенными объединениями и одновременно имели воинское звание «*ваньци*» (т. е. темников – десятитысячников). Левым крылом командовал, как правило, старший сын шаньюя – наследник престола. Его соправителем, руководителем и соправителем правого крыла являлись три наиболее близких родственника правителя степной империи. Только они имели высшие титулы «князей» (ванов). «Князья» и еще шесть наиболее знатных темников считались «сильными» и имели в своем подчинении не менее 10 тыс. всадников. Остальные темники реально имели менее 10 тыс. конников¹.

Во главе хуннского общества находился шаньюй. В официальных документах периода расцвета Хуннской империи шаньюй именовался не иначе, как «Небом и землей рожденный, солнцем и луной поставленный, великий шаньюй сюнну». Его власть, как и власть правителей других степных империй Евразии, основывалась не на внутренних, а на внешних источниках. Шаньюй использовал набеги для получения политической поддержки со стороны племен-членов «имперской конфедерации». Далее, используя угрозы набегов, он вымогал от Хань «подарки» (для раздачи родственникам, вождям племени и дружине) и право на ведение приграничной торговли (для всех подданных). Самое большое оскорбление, которое мог заслужить степной правитель, это обвинение в скупости. Поэтому для шаньюев военные трофеи, подарки ханьских императоров и международная торговля являлись основными источниками политической власти в степи. Следовательно, протекающие через их руки «подарки» не только не ослабляли, а, напротив, усиливали власть и влияние правителя в «имперской конфедерации»².

На локальном уровне административной иерархии находились местные племенные вожди и старейшины. Официально они подчинялись 24 наместникам из центра. Однако на практике зависимость племенных лидеров была ограничена. Ставка находилась достаточно далеко, а местные вожди располагали поддержкой родственных им племенных групп. Поэтому влияние на местную власть имперских наместников было в известной степени ограничено, и они были вынуждены считаться с интересами подчиненных им племен. Каково же было общее число данных племенных

¹ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М., 1968. С. 40.

² Крадин Н. Н. Империя Хунну.

групп в пределах хуннской имперской конфедерации, источникам не известно.

Использование китайским историком для описания административно-политической структуры хуннского общества как военных (темники, тысячники, сотники), так и традиционных (князья разных рангов, дувэи, данху и пр.) терминов дает основание предположить, что системы военной и гражданской иерархии существовали параллельно. Каждая из них имела отличные функции. Система недесятчных рангов использовалась для гражданского управления племенами. Система десятчных рангов применялась во время войны, когда большое количество воинов из разных частей степи объединялись в одну или несколько армий.

Власть шаньюя, высших военачальников и племенных вождей на местах поддерживалась строгими, но простыми традиционными нормами. В целом, как оценивали хуннские законы китайские хронисты, наказания у номадов были «просты и легко осуществимы» и сводились, главным образом, палочным наказаниям, ссылке и смертной казни. Это давало возможность быстро разрешать на разных уровнях иерархической пирамиды конфликтные ситуации и сохранять стабильность политической системы в целом. Не случайно, что для китайцев, с детства привыкших к громоздкой и неповоротливой бюрократической машине, система управления хуннской конфедерации казалась предельно простой: «управление целым государством подобно управлению своим телом»¹. Центр империи Хунну находился на территории современной Монголии. Однако первые археологические памятники хунну были открыты и начали исследоваться на территории России в Забайкалье. Это произошло в конце XIX в. Первые сборы археологических материалов на поселении у села Дурены осуществил учитель школы П. С. Михно. Чуть позже врач и ученый польского происхождения из Кяхты Ю. Д. Талько-Грынцевич начал раскопки могильников хунну. Именно с его именем связывается начало археологии хунну. Он раскопал более 100 могил, в том числе более 50 могил в Ильмовой пади и Дырестуйском Култуке².

На территории Бурятии хуннские памятники расположены внутри большого степного массива, связанного с долиной Селенги и вклинивающегося в лесостепные и таежные зоны Байкальской Сибири. С экологической точки зрения – это доста-

¹ Таскин В. С. Указ. соч. С. 40, 46.

² Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнографии Забайкалья. СПб., 1999.

точно обособленный район. Общее количество кочевников, кочевавших на территории современной степной Бурятии, исходя из продуктивности пастбищных ресурсов, могло быть от 12000 до 26000 человек. Можно предполагать, что данная территория не только имела самостоятельное экономическое значение как зона потенциального земледелия и торговых контактов с культурами охотников забайкальской тайги и рыболовов Байкала. На настоящий момент известно два городища, несколько поселений, три элитных и около ста обычных могильников хунну. По всей видимости, кочевники Западного Забайкалья входили в одну административно-территориальную единицу империи Хунну. Она возглавлялась местным вождем или наместником, присланным из центра, в ранге ваньци (десятитысячника). В военном отношении данная общность представляла собой подразделение численностью до 5000 лучников.

Особенный интерес представляют элитные или, как их называли раньше, «княжеские» курганы. На территории Забайкалья имеются три элитных могильника (Ильмовая падь или Суджи, Оргойтон и Царам). Впервые элитная могила была раскопана в конце XIX века Ю. Д. Талько-Грынцевичем. После него подобные курганы раскапывались другими исследователями. Внешне элитная могила представляет собой прямоугольную насыпь высотой чуть более 1 метра со сторонами 15–30 м. С южной стороны от насыпи обычно имеется пологий дромос, обрамленный каменной кладкой длиной около 20 м. Могильная яма уходит крутыми уступами на глубину 10–15 м. Она представляет собой нечто похожее на ступенчатую пирамиду, только наоборот. Внутри могильного сооружения обычно имеются сложные каменные конструкции. На самом дне имеется могильная яма, глубиной несколько метров. Внизу, обычно в двух срубках, располагается гроб, покрытый лаком и росписью. Внутренняя поверхность срубов задрапирована изысканными шерстяными коврами и шелковыми тканями. В могилах находился богатый сопроводительный инвентарь – золотые украшения, ковры, шелковые одеяния, оружие, китайские колесницы и др. На сооружение таких могил привлекалось большое количество людей, требовались грандиозные затраты (в десятки и даже сотни тысяч кубометров земли), возведение курганов растягивалось подчас на длительный период. Однако большинство элитных могил было ограблено еще в древно-

сти и до исследователей доходят только остатки былой роскоши¹. Захоронения других социальных групп выглядят не столько впечатляюще. Наземные конструкции простых курганов имели вид каменных кладок, обычно округлой или квадратной или прямоугольной формы. Погребение часто сопровождалось жертвенной пищей (мясо, сосуды с другой едой). В некоторых погребениях есть следы ритуального очищения огнем. Ориентация большинства погребений на север или на северо-восток. При этом встречаются отклонения. На дно ямы ставили обычно сруб из бревен лиственницы. Внутри сруба помещали деревянный гроб. В богатых могилах гроб мог быть в двух срубках. Небогатых лиц могли положить в простой гроб без сруба, деревянную раму в могиле, каменный ящик, простую яму. Кроме того, на Иволгинском могильнике есть особые захоронения грудных младенцев в сосудах. В могилах могут встречаться самые различные артефакты – орудия труда и предметы быта, оружие, посуда, конская сбруя, украшения, монеты, шелковые ткани, пояс с железными, бронзовыми и даже золотыми бляхами.

Изучение погребальных памятников хунну Западного Забайкалья выявило сложную социальную структуру, наличие иерархической системы рангов, прослеживаемой в различных половозрастных и этнокультурных группах общества². Общая совокупность исследованных погребений составила 426 захоронений. Представленная выборка дает возможность получить вполне объективные результаты. Проведенные исследования показывают, что мужские погребения разбиваются на несколько рангов, резко отличающихся между собой. Могильники выстраиваются в иерархическую лестницу. Самый верхний «этаж» занимают три кургана (№ 10, 40, 54) кластера 2 комплекса Ильмовая падь, который относится к так называемым элитным или «княжеским» курганам. Далее расположены захоронения субкластеров (1А и 1В) Ильмовой пади. Между ними имеются некоторые отличия. Погребения субкластера 1А, возможно, несколько «богаче». За ними по близости погребального обряда и количеству сопроводительного инвентаря

¹ Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976; он же. Усыпальница хуннского князя в Суджи. Улан-Удэ, 2008; Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология. 2007. № 1.

² Крадин Н. Н., Данилов С. В., Коновалов П. Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток, 2004; они же. Хуннская культура Забайкалья // Социальная структура ранних кочевников Евразии. С. 183–199.

следуют погребения Черемуховой пади и Дырестуйского Култука. По всей видимости, мы должны говорить о полноправном населении общества хунну. В последнем могильнике выделяется три группы примерно одного общественного ранга. В Иволгинском грунтовом могильнике выделено четыре общественных ранга. Самый низший – безынварные погребения кластера 1. Другие три группы сопровождаются различными категориями инвентаря. Вторая подгруппа (субкластер 2АВ) отличается от первой (субкластер 2АА) дополнительно наличием пояса, а третья (субкластер 2В) от второй наличием конского снаряжения.

Таблица 2.

Мужские погребения хунну Забайкалья

Могильник	Кластер	сопроводительный инвентарь
Иволгинский Могильник	1	безынварные погребения
	2АА	погребения с инвентарем
	2АВ	инвентарь + пояс
	2В	инвентарь + пояс + конское снаряжение
Дырестуйский Култук	1В	разнообразный инвентарь
	1А	более разнообразный инвентарь
	2	более разнообразный инвентарь с украшениями
Черемуховая падь	1	<i>дифференциации не выявлено</i>
	2	
Ильмовая падь	1В	разнообразный инвентарь
	1А	еще более разнообразный инвентарь (+ зеркала, золотые украшения)
	2	курганы элиты (№ 10, 40, 54)

Можно было бы попытаться привязать эти прослойки к конкретным социальным группам, известным по летописным источникам. Однако, на наш взгляд, это слишком преждевременно. Всегда необходимо помнить то, что археология имеет дело лишь с фрагментарными остатками некогда существовавшей культуры, как и то, что в нашем распоряжении имеется только лишь небольшая выборка фактических данных, и с каждым новым полевым сезоном наши знания о прошлом могут существенно корректироваться. По всей видимости, только при значительном расширении источниковой базы можно будет более определенно связать

те или иные кластеры погребений с конкретными социальными группами общества хунну.

Различия между отдельными курганными могильниками могли быть обусловлены разным статусом племенных и родовых коллективов, воздвигнувших эти погребальные комплексы, внутриэтнической (межплеменной) спецификой и хронологическими отличиями разных этапов истории хунну. Количество труда, вложенное в захоронения курганных могильников Ильмовая и Черемуховая падь, Дырестуйский Култук, в целом больше, чем затраты на погребения грунтового Иволгинского могильника. Это дает основания предположить, что статус кочевников-скотоводов был явно выше статуса жителей оседлых земледельческих поселений. Дифференциация отдельных субкластеров внутри могильников отражает отличия между различными социальными рангами общества. Здесь по сопроводительному инвентарю особенно выделяются самые «богатые» захоронения (кластер 2, Ильмовая падь). Гораздо труднее решить, представителям каких общественных рангов хунну (старейшинам, простымномадам, рабам и т. д.) принадлежат погребения того или иного кластера (субкластера). Однако это не означает, что подобная интерпретация в будущем останется невозможной. В частности, вряд ли мы сильно ошибемся, если свяжем самые бедные погребения кластера 1 Иволгинского могильника с населением, имевшим рабский или полурабский статус.

Исследование совокупности женских захоронений показывает наличие иерархии и у представительниц слабого пола. Необходимо также отметить, что почти в половине из выделенных кластеров (субкластеров) женских захоронений встречаются предметы вооружения. Это вроде подтверждает хорошо известный по письменным и археологическим источникам факт об активном участии женщин в военной жизни степняков¹. Однако не находит объяснения факт, что среди оседлого населения (в трех из пяти субкластерах Иволгинского могильника) предметы вооружения встречались несколько чаще, чем среди спутниц кочевников-мужчин.

¹ Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С. 201; Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 85–86; Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н. э.). Киев, 1985. С. 71; Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. С. 42; она же. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. С. 276–277.

Таблица 3.

Женские погребения хунну Забайкалья

Могильник	Кластер	сопроводительный инвентарь
Иволгинский могильник	1В	безынвентарные погребения
	1АА	Керамика
	1АВ	инвентарь (в т. ч. керамика)
	2А	более разнообразный инвентарь (в том числе конское снаряжение, монеты, украшения)
	2В	еще более разнообразный инвентарь, заупокойная тризна
Дырестуйский Култук	1В	разнообразный инвентарь, тризна
	2	разнообразный инвентарь, тризна+КРС ¹ , вооружение
	1А	еще более разнообразные украшения, тризна+КРС
Черемуховая падь	2	более разнообразный инвентарь
	1	разнообразный инвентарь
Ильмовая падь	1В	бедный инвентарь
	2	разнообразный инвентарь
	1А	еще более разнообразный инвентарь (+ зеркала, золотые украшения)

В захоронениях наиболее знатного могильника Ильмовой пади выделяются три социальных ранга: наиболее «богатые» погребения относятся к субкластеру 1А. Более бедные погребения относятся к кластеру 2. Погребения женщин с самым низким статусом относятся к субкластеру 1В. В женских захоронениях Черемуховой пади, в отличие от мужских, выделено два общественных слоя: несколько более «богатые» погребения кластера 2 и несколько более «бедные» могилы кластера 1. Анализ погребений могильника Дырестуйский Култук выявил существование трех социальных подгрупп. Группа 1В сопровождается обычным для простых захоронений инвентарем. Она более бедна, чем группы 1А и 2. Однако между последними группами также есть некоторые отличия. В кластере 2 найдено оружие, кластер 1А отличается большим количеством и разнообразием украшений.

Гораздо более сложная иерархия прослеживается в женских захоронениях Иволгинского могильника. Там выявлено пять рангов. Первая группа погребений (1В) – безынвентарная, во второй

(1АА) встречается только керамика, в третьей (1АВ) появляется сопроводительный инвентарь, в четвертой (2А) он становится разнообразнее (в том числе фиксируются пояс, монеты, разнообразные украшения), в пятой (2В) данные признаки уже массовые, заупокойная тризна более разнообразна.

Как и в погребениях взрослых, в детских захоронениях фиксируется отчетливая разница между курганными (Ильмовая падь, Дырестуйский Култук) и грунтовыми (Иволгинский могильник) погребальными комплексами. Лучше всего социальная дифференциация прослеживается в Иволгинском могильнике, где совокупность детских погребений распределяется на три группы: безынвентарных погребений (субкластер 2ААВ), захоронений с керамикой (субкластер 2ААА), погребений с разнообразным сопроводительным инвентарем (субкластер 2АВ). Отдельно следует рассматривать погребения в сосуде кластера 1, которые условно обозначены как «младенческие».

Таблица 4.

Детские погребения хунну Забайкалья

Могильник	Кластер	сопроводительный инвентарь
Иволгинский могильник	1	<i>погребения в сосуде</i>
	2ААВ	безынвентарные погребения
	2ААА	Керамика
	2АВ	инвентарь (в т. ч. керамика)
Дырестуйский Култук	1А	инвентарь (девочки?)
	2	инвентарь (мальчики?)
Ильмовая падь		<i>дифференциации не выявлено</i>

При сопоставлении различных кластеров погребений детей разных могильников выясняется, что по разнообразию сопроводительного инвентаря, они могут быть объединены в две группы: 1) безынвентарные и «бедные» погребения Иволгинского могильника (кластер 1, субкластеры 2ААА, 2ААВ, 2В); 2) погребения Дырестуйского Култука и Ильмовой пади, к которым примыкает субкластер 2АВ Иволгинского могильника. В целом это дает основание проследить определенную дифференциацию среди захоронений детей, выделение «богатых» и «бедных» погребений.

Таким образом, изучение общественной структуры хуннского общества по данным археологии значительно дополняет информацию, полученную из письменных источников. Иссле-

дование погребальных комплектов хуннской археологической культуры показывает более глубокий уровень социальной дифференциации, наличие меж- и внутриэтнического (вероятно, опосредованного генеалогией) неравенства, существование большого числа промежуточных статусов и социальных прослоек. Все это свидетельствует о существовании в Хуннской державе сложной, многоуровневой иерархии статусов, которая лишь частично отражена в древнекитайских летописных текстах.

Еще одна важная составляющая северных хунну на территории Западного Забайкалья – это наличие городищ и поселений. Из хуннских поселений самое большое – Дурены на левом берегу Чикоя. Общая протяженность памятника около 5 км. В результате раскопок были обнаружены остатки полуземлянок с канами (отопительная система), много предметов материальной культуры. Жители поселения занимались сельским хозяйством, о чем свидетельствуют многочисленные находки сошников¹. Из других памятников, изучавшихся в последние годы, – поселение Нижний Мангиртуй. Здесь раскопаны жилища с каном, получено большое количество материалов, свидетельствующих о хозяйственной деятельности населения.

Хуннских городищ на территории Бурятии всего два. Первое из них – Баян-Ундэр, по всей видимости, представляло собой административную или военную или резиденцию. Городище расположено на высоком правом берегу Джиды. Оно окружено двумя валами. Невысокий внешний вал имеет скругленные углы. Его размеры приблизительно 115x105 м. Южный вал частично разрушен берегом реки. Размеры внутреннего вала примерно 60x60 м. Вал сделан из плотной глины, его высота около 1 м, снаружи ров. В северо-западном углу вала зафиксированы следы частокола. По центру основного южного вала имеется проход. Напротив него снаружи привратное укрепление округлой формы диаметром около 20 м. В северо-западному углу было раскопано здание подквадратной формы размером приблизительно 8x8 м. Были обнаружены остатки отопительной системы – кана с очагом и дымоходными каналами.²

¹ Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. СПб., 2003.

² Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998.

Гораздо лучше изучено Иволгинское городище, расположенное в окрестностях Улан-Удэ. Оно представляло собой неправильный прямоугольник со сторонами примерно 228 на 335 м. С трех сторон было защищено фортификационными сооружениями (4 вала и 3 рва между ними), с четвертой стороны городище примыкало к старице Селенги. Вал хорошо сохранился только с южной и юго-западной стороны. Их современная высота 0,8 м от дневной поверхности, а ширина 7–8 м. Многолетними археологическими исследованиями исследовано более 50 жилищ, а также много иных хозяйственных и прочих сооружений. Городище, а также найденный неподалеку синхронный ему могильник (216 погребений), являются наиболее изученными памятниками хуннской эпохи. Здесь могли одновременно проживать несколько тысяч человек.¹

Основное население городища вело оседлый образ жизни и занималось земледелием. Это подтверждается находками земледельческих орудий труда и большим количеством зерен проса. Жители городища разводили крупный рогатый скот, овец, немного коз, свиней. Помимо этого, они употребляли в пищу собак. Охота не играла для них большой роли. А вот рыболовство имело большое значение. Селенга замерзает в конце октября – начале ноября, вскрывается в конце апреля – первой декаде мая. С этого времени и до конца лета длится период активного рыболовства. После зимы рыба являлась важным дополнением диеты населения городища. По всей видимости, ближе к осени производились массовые заготовки рыбы на зиму. На памятнике обнаружены кости различных видов рыб: тайменя, ленка, хариуса, леща, щуки и др.²

Определенная часть жителей городища занималась и ремесленным производством. Хунну имели черную и цветную металлургию. Встречаются как кузнечные горны, так и многочисленные изделия ремесленников. Судя по всему, ремесленники Хуннской державы наладили массовое изготовление железных изделий: орудий труда и кинжалов, наконечников стрел и копий, упряжи и предметов быта. Искусство хунну сочетало самобытные местные традиции с мотивами так называемого «звериного стиля» скифо-сибирских степных культур Евразии. Преобладали зооморфные мотивы: изображения различных диких, домашних и мифологических живот-

¹ Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб., 1995; Т. II. Иволгинский могильник. СПб., 1996.

² Khenzykhenova F.I., Kradin N.N., Danukalova G.A. et al. The human environment of the Xiongnu Ivolga Fortress (West Trans-Baikal area, Russia): initial data // Quaternary International. Vol. 546. 2020. P. 216–228.

ных (грифон, козел, баран, тигр, олень, лошадь и т. д.) Изучение химического состава хуннских бронз показало, что для их отливки использовались сложные сплавы, незнакомые соседним с хунну культурам, что также свидетельствует о самостоятельном очаге хуннской ремесленной традиции. Оседлые жители занимались земледелием и ремеслом, обеспечивая результатами своего труда кочевников-скотоводов.

Среди ученых существуют разные точки зрения относительно роли городищ и поселений у хунну. В этой связи важно отметить, что количество затрат и богатство курганных могильников Ильмовая и Черемуховая падь, Дырестуйский Култук больше, чем затраты на погребения грунтового Иволгинского могильника. Это дает основание предположить, что статус кочевников-скотоводов был выше статуса жителей оседлых земледельческих поселений. Однако, скорее всего, в Хуннской державе существовал достаточно широкий спектр отношений между кочевниками и земледельцами. Это могли быть как поселения, заселенные пленниками-рабами, так и населенные пункты, жители которых имели статус полувассальных данников, обязанных поставлятьномадам определенное количество земледельческой и ремесленной продукции, или даже общины земледельцев, поддерживавшие дружеские экономические и торговые связи с кочевой частью населения степной империи при условии общего военного и политического доминирования кочевников. В последнем случае номады могли поставлять оседлым жителям скот и продукты скотоводческого хозяйства, частично компенсируя земледельцам недостаток в мясе, овчинах, шерсти, войлоке и т. д. Однако, так или иначе, нельзя не признать, что Иволгинское городище являлось настоящим городом. Оно полностью соответствует всем признакам города – компактная застройка, большая численность и плотность населения, ремесленное производство. Учитывая, что все на настоящий момент известные на территории Монголии хуннские городища не соответствовали данным характеристикам, можно смело констатировать, что Иволгинское городище является единственным на настоящий момент известным городом в Хуннской империи. Жители города занимались земледелием и ремеслом, обеспечивали кочевников скотоводов результатами своей деятельности.

Как известно, Хуннская империя просуществовала до середины I в. н. э. В 48 г. она распалась на северную и южную конфедерации, которые были похожи между собой по социальному

устройству. У тех и у других существовало деление на два крыла (западное и восточное), система аналогичных высших и прочих рангов, одинаковый порядок наследования. Правда, северная хуннская конфедерация изначально была раза в два – три крупнее. Согласно отрывочным данным китайских летописей северный шаньюй пытался следовать традиционной дистанционной политике кочевников в отношении Китая. В 51, 52 и 55 гг. он тщетно пытался заключить «Договор о мире, основанном на родстве». Императорский двор упорно не шел на заключение договора, а ханьские «подарки» были ничтожно малы в сравнении с демонастративно щедрыми дарами южному шаньюю. Это существенно снижало престиж северного шаньюя в глазах подданных; алчные до шелка, изысканных продуктов и иных диковинок кочевники понемногу стали откочевывать в пределы южной конфедерации. Южные хунну перекрыли и другой канал поступления нескотоводческой продукции в степь; они активно мешали приграничной торговле между ханьцами и северными хунну. В конце 70-х гг. I в. н. э. «северные варвары ослабли, их сообщники отложились»¹.

Логика древних хроник подсказывает, что I в. н. э. был периодом необратимой деградации власти в хуннском обществе. Между тем данные археологии рисуют несколько иную картину. Исследование датировок элитных курганов показывает, что все они относятся к узкому хронологическому периоду – не ранее середины I тыс. до н. э. и не позднее I в. н. э.² Ученые находят в курганах изысканные ковры, одежды, шелковые ткани, золотые и бронзовые украшения, колесницы, предметы труда и быта. Роскошные сокровища указывают на высокий уровень производства престижных товаров, развитие торговли с Китаем и другими странами. В этот период хуннский погребальный обряд становится стандартизованным. Наличие однотипных престижных товаров в захоронениях элиты свидетельствует о наличии общей идентичности, разделяемой большинством представителей центральных и локальных элитных групп. Есть все основания полагать, что в этот период Хуннская держава все еще представляла собой мощную иерархическую державу, как и конфедерации ее преемницы, что косвенно отразилось в огромных монументальных погребальных сооружениях, воздвигнутых в память об усопших представителях хунн-

¹ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. Вып. 2. М., 1973. С. 80.

² Brosseder, U. Xiongnu Terrace Tombs and their Interpretation as Elite Burials // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 247–280.

ской элиты, формировании единого стиля форм и орнаментации керамических изделий, общих традиций погребальной обрядности. Не исключено, что это был период расцвета позднехуннского общества, который по тем или иным причинам не нашел отражения в китайских династических хрониках¹.

Резонно задать вопрос, в какой степени стратегии *гетерархии* и *иерархии* применимы для анализа обществ кочевников-скотоводов? В контексте базисной теории политогенеза традиционно они рассматриваются как две альтернативные стратегии власти. Очевидно, что Хуннская империя представляла классический пример политики с развитой иерархией. Выше было показано наличие развитой дифференциации и множества статусов, выделяемых по данным археологии и нарративных источников. Совсем иную ситуацию мы видим при анализе погребений культуры плиточных могил. Исследование погребений данной культуры показывает наличие не более трех – четырех социальных рангов, между которыми не было резких границ. Различные социальные группы имели одинаковый (или почти идентичный) доступ к ресурсам (пастбищам и животным), резкое социальное неравенство не сформировалось. Экономические усилия общества были направлены на решение коллективных целей, общих религиозных культов и обрядов. Наверное, для данной культуры были характерна универсальная космология и стандартизированный образ жизни.

Вместе с тем *гетерархию* и *иерархию* у кочевников и скотоводов можно рассматривать не только как два полюса организации системы власть, но и как два уровня сложности политической централизации. На уровне слабой власти лидеров номады могут быть структурированы в *гетерархическое* общество, которое могло быть близко описанию *племенного* общества Э. Эванса-Причарда². По мере усиления персональной власти данное объединение может быть переконфигурировано в иерархическое *вождество*. На уровне объединений большего масштаба альтернативы могли быть в форме иерархических *кочевых империй* и гетерархических *имперских конфедераций*. В качестве примера первой формы можно назвать раннюю Хуннскую империю времени шаньюя Модэ

¹ Миллер Б. Империя Хунну // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики. Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. М., 2019. С. 82, 85.

² Evans-Pritchard E. The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. London, 1940.

и его преемников. В качестве примера второй формы – конфедерации хунну, описанную китайским историком Фань Е¹.

Возможно множество комбинаций и дихотомии гетерархических и иерархических политий у кочевников на надплеменном и мперском уровнях. Группа гетерархических племен может быть объединена в акефальную политику или слабое вождество. В свою очередь, простые вождества могут быть структурированы в сложное вождество или в гетерархическую конфедерацию вождеств. Примером последней может быть конфедерация «восьми владений» у киданей в доимперский период².

Скорее всего, подобные формирования были нестабильны и в зависимости от разных обстоятельств могли изменяться как по количеству сегментов, так и по характеру внутренних связей. Нередко дихотомия *гетерархия* – *иерархия* зависела от различных факторов, в том числе от индивидуальных качеств политических лидеров. При удачливом харизматическом вожде, например, могла быть выстроена иерархия сложного вождества, однако после его смерти она могла трансформироваться в гетерархическую конфедерацию вождеств.

Понять, как могли соотноситься *гетерархия* и *иерархия* в доисторических и древних обществах кочевников-скотоводов, позволяют компаративные данные. Многочисленные этноисторические исследования подтверждают существование двух форм сетей коммуникаций и социальной организации у пасторальных номадов. У африканских скотоводов были горизонтальные реципрокные сети брачных компенсаций, обмен животными для групповых коммуникаций, для поддержки пострадавших в периоды кризисов и голода³. На Ближнем Востоке и в Средней Азии были более распространены иерархические патрон-клиентные отношения, при которых богатые скотоводы обеспечивали ресурсами малоимущих и неимущих⁴. При этом богатые домохозяйства были более стабильны и являлись источником сетей неравенства, тогда как больше рисков потерять стадо имелось у бедных. Однако мобильность препятствовала установлению среди ското-

¹ Крадин Н. Н. Империя Хунну. Гл. 6.

² Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М., 2014.

³ Evans-Pritchard E. The Nuer; Gulliver P. H. The Family Herds: A Study of Two Pastoral Tribes in East Africa the Jie and Turkana. London, 1955; Spencer P. Nomads in Alliance: Symbiosis and Growth among the Rendille and Samburu of Kenya. London, 1973.

⁴ Barth F. Nomads of South Persia. Boston, 1961; Irons W. The Yomut Turkmen: A Study of Social Organization among Central Asian Turkic-Speaking Population. Ann Arbor, 1975.

водов развитой иерархии, поскольку от жестокого вождя всегда можно откочевать на другую территорию. Доступ к оружию каждого мужчины также способствовал развитию независимого поведения кочевников. В целом подвижный образ жизни больше соответствует децентрализации и гетерархии, чем объединению и созданию иерархии.

Стимулом к консолидации и формированию внутренней иерархии является наличие оседлых соседей. Борьба за доступ к скотоводческим ресурсам вынуждает кочевников объединиться. Что бы ни говорили историки – сторонники того, что причинами формирования степных империй было внутреннее развитие, антропологи давно подметили, что вероятность создания эгалитарных и децентрализованных обществ присутствует в отдаленных от цивилизации регионах, а вождества и конфедерации появляются там, где по соседству есть оседлые аграрные поселения и города, рынки и власть¹. Именно поэтому конфедерации кочевников с внутренней иерархией возникают в тех регионах, где есть конфронтация с оседлыми². Следовательно, *гетерархия* и *иерархия* среди кочевников это не только два разных вектора эволюционных процессов и не столько две формы сложности надплеменной организации, но в немалой степени результат действия двух разных полей социальных коммуникаций между различными типами обществ. Первое состояние характерно для скотоводческих обществ, которые не имеют развитых контактов с аграрными обществами. Вторым вариантом встречается у тех кочевников-скотоводов, которые имеют постоянные коммуникации с оседлыми. При этом чем выше масштаб сложности оседлого аграрного общества, тем более мощной и иерархически организованной должна быть конфедерация кочевников. Для контактов с небольшими оазисами достаточно конфедерации племен или вождества, но для взаимодействия с аграрной цивилизацией необходима кочевая империя.

¹ Irons W. 1979. Political Stratification among Pastoral Nomads // Pastoral Production and Society, Cambridge, 1979. P. 361–374; Salzman P.C. Pastoral Nomads: Some General Observations Based on Research in Iran // Journal of Anthropological Research. Vol. 58. 2002. № 2. P. 253–254.

² Khazanov A.M. Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984; Fletcher J. The Mongols: Ecological and Social Perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 46, 1986. № 1; Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge, 1989; Golden P. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Mediaeval and early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992; Крадин Н.Н. Кочевые общества. М., 1992; он же. Кочевники и всемирная история. СПб., 2020.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14. W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

N. N. Kradin

Heterarchy and Hierarchy in ancient nomadic societies of Transbaikalia

Abstract. This article discusses the relationship between hierarchy and heterarchy among Transbaikalian pastoralists and nomads. We theorize that in the case studies on the two examples (slab graves culture and Xiongnu) of pastoral nomads» heterarchy and hierarchy should not necessarily be considered two separate strategies-directions, but instead two different levels of political centralization, and two results of political interaction between settled and nomadic societies. A multitude of combinations and dichotomies of both heterarchical and hierarchical polities are possible among nomads. While personal authority remains weak, nomadic societies organize as a heterarchical tribes, chieftainship or imperial confederation. As personal authority grows, those are transformed into a hierarchical chiefdom, complex chiefdom, and nomadic empire.

Keywords. Nomads, Transbaikalia, Slab graves, Xiongnu, Heterarchy.